Три цвета любви

Автор:
Олег Рой

Три цвета любви

Олег Юрьевич Рой

Ее благополучная, красивая жизнь рушится в единый миг!

Ее муж исчез, и полиция уверена в его смерти. В скандальном телешоу появляется девушка, объявляющая себя любовницей погибшего, и заявляет, что ждет от него ребенка. К тому же бандиты стремятся завладеть успешным бизнесом, оставив вдову ни с чем.

Как же ей выжить и справиться с ударами жестокой судьбы? Она не привыкла сдаваться и сделает всё, чтобы вернуть свое счастье! Теперь ей придется идти вперед, надеясь, что темная ночь когда-нибудь закончится и наступит новый светлый день…

Рой Олег

Три цвета любви

Стеною выстроенной лжи

Мы заслоняемся от мрака —

Там не достанут нас ножи,

Там сладок чай и спит собака.

И мы опять, опять соврем —

Чтоб сохранить дыханье чая!

И даже если мы вдвоем

всего лишь – врем. Во имя счастья!

Ведь правду – честно и жестоко —

Клинком вонзают в сердце прямо!

Но… Яго подает платок,

Взгляд Нины полнится туманом…

И где-то, где-то – за чертой —

Про «врать нельзя» нам шепчет мама.

Александра Гест, из неопубликованного

Пролог

– Смотри, смотри! Чайка! – Мальчишка лет восьми выскочил из-за крайнего столика, подбежал к белой балюстраде, висящей, казалось, прямо над волнами террасы прибрежного кафе, замахал рукой оставшимся сзади родителям. Красивым, загорелым, улыбающимся.

– Да их тут как у нас воробьев… – Отец помахал мальчишке в ответ.

– А Христа говорила, что они как ангелы-хранители. Разве ангелы… охотятся?

– Ну, ангелам тоже нужно что-то есть, иначе они летать не смогут, – засмеялся отец.

– Смотри! Смотри! – Мальчишка вцепился в белые камни балюстрады так, что костяшки пальцев тоже побелели. – Э-эх…

Чайка, рухнувшая в стремительном пике в неправдоподобно синюю гладь – всего лишь чуть темнее, чем сияющий небесный купол над ней, – взметнула бриллиантово сверкающий веер брызг и опять взмыла вверх, недовольно дернув пустым клювом…

Синий. Отчаяние

* * *

Рыбалка, как оно и полагается, поначалу не задалась. Или, наоборот, задалась – как посмотреть. Известно же: если сперва все идет как по маслу, жди проблем. А вот если старт корявый – значит, все получится.

Сперва позвонила мать:

– Валя! Какие могут быть дела, сегодня суббота! Ты же обещал!

Валя! Хотя все уже чуть ли не двадцать лет называли его Леней. Но мать никогда не желала ни видеть, ни слышать того, что ей не нравилось. И ведь ничего он ей не обещал! Но могло быть и хуже – если бы они уже ехали, например. Ее же звонок случился, когда он только собирался сесть за руль. И разговор удалось свернуть быстро. Но настроение, конечно, подпортилось.

Бурливший внутри все утро веселый азарт – как перед любым сколько-нибудь важным событием – сменился почти равнодушным спокойствием. Не приключение, а дело, которое нужно исполнить. И тогда все будет хорошо. Вроде визита к дантисту или оформления каких-нибудь документов: никакого тебе праздника, скучно, нудно, – но когда все сделано, чувствуешь себя героем. И, как нынче модно говорить, ощущаешь улучшение качества жизни. Качество жизни, да. Мыть окна – занятие не сказать чтобы увлекательное (он сам всего раза три такое проделывал), зато как после этого меняется окружающий мир! Словно не стекла изменились, а вся картинка за ними.

Дим, едва выехали за ворота, вытащил из рюкзака небольшой альбом и принялся что-то рисовать: то лица, то руки, то какие-то непонятные схемы, время от

времени сверяясь с содержимым кожаной папки с фирменной надписью по верхнему краю. Работал.

Джой вертелся на заднем сиденье, бурно радуясь поездке, и то и дело порывался просунуть башку между передними спинками, угомонился, лишь получив символический щелбан.

Телефон всю дорогу пиликал смс-предупреждениями от МЧС: оттепель ослабила лед, особенно на малых реках, будьте максимально осторожны. Он даже развеселился. Ха и еще три раза ха-ха-ха! Можно подумать, он первый раз на подледную рыбалку собрался!

Ну оттепель, и что? Та же оттепель расшевелила снулых подледных обитателей. Лед ослаб? Ай, ладно, не первый год замужем! Да еще ночным бураном они меня пугать будут!

Сейчас небо сияло непривычной для марта синевой. Только по краям лохматились длинные облачные языки – как будто облизывали эту синеву, примеривались, как ее съесть. И воздух – никакого смога! – прозрачный до хруста! До звона.

Когда-то сюда подходила дорога – не шоссе, конечно, но вполне приличная грунтовка, бог весть зачем тут проложенная. Сейчас от нее остались почти одни воспоминания.

Тяжелый черный джип, пробираясь по «воспоминаниям», недовольно фырчал и взревывал. Но – довез. Как всегда довозил. Куда бы он делся! Джип обиженно взревел в последний раз, огибая замыкавший «воспоминания» полусгнивший еловый комель, и наконец вздохнул облегченно.

Избушка, притаившаяся в просвеченном березовой порослью ельнике над одним из притоков Свири, числилась в ведении местного егеря, но тот бывал здесь нечасто. Леня свел с ним знакомство в стародавние времена и тогда же получил разрешение хибаркой пользоваться. Ну денег давал, конечно, – за беспокойство. Хотя какое там беспокойство, наоборот: обновлял запасы продуктов и прочего необходимого в кладовке, вел себя аккуратно, огня где попало не разводил и вообще безобразий не устраивал, беспорядка после себя не оставлял. Даже «подгрызенную» за время наезда поленницу, бывало, восстанавливал. Впрочем,

дрова – не бог весть какое беспокойство, они тут дешевы. Хорошее, в общем, место. Речушка-невеличка изобиловала бочагами и омутами, так что рыбалка здесь была вполне ничего себе. Впрочем, даже если бы клевала одна негодящая мелочь, Леня все равно бы сюда ездил.

Жаль, редко получалось. Реже, чем хотелось бы. Раза три-четыре являлся с компанией, но чаще – один. То есть с Джоем. Это было его собственное место. Его и Джоя. Временами с ними увязывался Дим. Но это было все равно что без никого. Дим никогда не мешал. Хотя рыбак из него – как из носка патрон.

Помощи от него тоже не сказать чтоб много, примерно как от Джоя. Но тот, после того как сходил с хозяином «на разведку», разлегся метрах в десяти от крылечка с важным видом: мол, не просто так валяется, а по делу – сторожит и вообще процесс контролирует. Дим же встал столбом посреди, глазеет вокруг, как будто впервые на ледовую рыбалку выбрался.

Зато компаньон – отличный. Старый друг лучше новых не то что двух, а сотни. А Дим уж такой старый, что старее и не придумаешь. Разве может он Леньку одного отпустить? Да и ладно. Помешать он не помешает, просто потому что не может, зато польза от его присутствия, безусловно, есть. Вдвоем действительно надежнее.

* * *

Леля помахала вслед машине – легонько, пальчиками, они с Микой всегда так друг другу махали, та сейчас наверняка на нее в зеркало заднего вида смотрит – и улыбнулась, вспоминая давешнего гаишника. Правильное нынче «гибэдэдэшник» она даже мысленно выговорить не могла. Невзирая на всю свою филологическую подготовку. А может, как раз из-за нее. Ну что это за слово такое – гибэдэдэшник? Водителей хорошо на трезвость проверять: выговорил – молодец, проезжай, запутался в согласных – ну-ка, ну-ка, друг любезный, давай рассказывай, чего и сколько принял. Но называть этим корявым кошмаром живого человека даже как-то и неловко.

В общем, гаишник этот, молодой, круглолицый, белобрысый, румяный от вредного мартовского мороза, остановил их на самом подъезде к Питеру. Сунулся в водительское окно, завел стандартную мантру про техпаспорт, права и все такое. И тут Мика… гавкнула. Негромко, но весьма достоверно. Парень

отшатнулся. А Мика засмеялась:

– Не бойся, я привязана. Обе привязаны.

Микина голова закрывала наклонившегося к ней гаишника, но Леля как будто увидела, что тот нахмурился. Хоть и симпатичный, а наверняка рассердился. Она вздохнула: ну, начнется сейчас – выйдите из машины, подышите в трубочку, откройте багажник и прочая морока. Однако белобрысый, помолчав секунды две… тоже расхохотался. И палкой своей махнул – проезжайте, мол. Леля тоже прыснула тихонько. А Мика, уже с серьезным лицом, подмигнула.

Ужасная придумщица! Леля вон никогда ничего придумать не может. Ленька смеется: восточная женщина, идеальный ведомый. Но разве это плохо? Где они были бы, придумщики, если бы никто за ними не следовал, ахая и распахивая от восторга глаза? Леля ведь не притворяется, ей действительно ужасно нравится, когда кто-нибудь что-то придумывает и можно нырять в эту придумку, как в веселую зеленую воду – чтоб брызги сверкали во все стороны и чтоб смеялось само собой!

Микина машина уже скрылась из виду, но Леле было приятно стоять вот так – ни за чем. Она словно смотрела на себя со стороны: коротенькая лайковая курточка цвета топленого молока, узкие блекло-голубые джинсы, ладно обрисовывающие круглую попку (Ленька бы сейчас не удержался, хлопнул!), сама вся легкая, летящая, светлая – волосы над откинутым капюшоном пушатся, глаза сияют. Солнечный зайчик посреди серого питерского марта.

Ленька очень гордился, что у него такая молодая (мало ли что там в паспорте значится) красивая жена. На официальных мероприятиях принимался вдруг шептать Леле в ухо всякие неприличности, так что из выреза вечернего платья поднималась жаркая волна, щеки начинали пылать, дыхание перехватывало. А он, негодяй, еще и насмешничал:

– Ай-яй-яй, чего это мы так покраснели? Такая на вид приличная девушка… Этому столику шампанского больше не давать… – и смеялся прямо в ухо!

В кармане завозился забытый на виброрежиме телефон. Леля вздрогнула, заторопилась – это же, наверное, Ленька! И, может, уже не в первый раз! Ленька звонить, конечно, никак не мог, но Леля яростно дергала язычок молнии – зачем,

зачем она застегнула этот карман?! «Чтобы в машине не выронить», – тихо прошептал кто-то в голове. И молния наконец поддалась.

– Прости-прости-прости, я не слы-ышала! – радостно пропела Леля в теплую трубку. – Как это ты ухитрился? Там же сигнала нет. Или ты на елку залез?

– Добрый день, – холодно поприветствовала ее трубка.

Настроение моментально осело, потухло. Как лопнувший воздушный шарик.

– Здравствуйте, Лидия Робертовна, – уныло ответила Леля, моментально погружаясь в пучину недовольства собой: как же это она на экран не посмотрела! – Что-то случилось?

– Это ты мне должна сказать, – сухо потребовала свекровь. – Валя на звонки не отвечает.

– К-какая Валя? – Леля тут же прикусила язык, но было поздно. Ленька не любил свое полное имя – Валентин, и все давным-давно привыкли называть его Леней. Понятно, что она сейчас с ходу не сообразила. Дала свекрови повод для еще одного выговора.

Та, разумеется, тут же за повод ухватилась:

– Вряд ли ты могла забыть, как зовут твоего собственного мужа. Игра в легкомыслие должна иметь какие-то пределы. Двадцать лет назад это могло выглядеть мило, но в твоем возрасте следует быть более серьезной. Валя тебе потакает, но в итоге и сам заражается этой безответственностью. Вчера он должен был непременно ко мне подъехать (у отца годовщина, помнишь?), но сказал, что у него дела, что вернется поздно. А сегодня все утро недоступен. Он что, не в городе?

Свекор умер девять лет назад, но Лидия Робертовна каждый год таскала Леньку на кладбище – в начале марта, посреди сугробов! А после устраивала поминки – и страшно сердилась, если установленный порядок нарушался. Наверное, Ленька сбежал на эту свою подледную рыбалку, чтобы не слушать несколько часов подряд разглагольствований на тему «разве мы тебя такому учили» и

«отец бы не одобрил». Хотя тот как раз никогда не выговаривал сыну за то, что он подался в «капиталисты», и к Леле всегда по-человечески относился. Но свекровь, разумеется, лучше знала, «что сказал бы отец».

– Простите, Лидия Робертовна. У него… – залепетала Леля, лихорадочно соображая, как бы поаккуратнее выкрутиться из ситуации. – У него переговоры. В пансионате. Там связь плохая.

– Переговоры проводят в рабочих кабинетах, – назидательно сообщила свекровь. – То, что происходит в… пансионатах, называется как-то по-другому. Тем более в ночь с субботы на воскресенье. Не хотелось бы бросаться огульными обвинениями, но у меня складывается впечатление, что твои слова не совсем соответствуют истине. Впрочем, меня это ничуть не удивляет. Я надеюсь, Валя наконец поймет, что так жить нельзя.

Леле вдруг стало обидно. Не потому, что свекровь обвинила ее во лжи, – ну да, она же действительно соврала, назвав рыбалку «переговорами». И даже не устыдилась этого: иногда ложь лучше правды хотя бы тем, что короче. Но это вот в стомиллионный раз услышанное «так жить нельзя» ее вдруг возмутило. Как – нельзя? Создать дело, где работает сколько-то там тысяч человек (Леля точно не знала сколько, но точно много), – и все зарплату получают, причем немаленькую? И не воздухом ведь Ленька торгует на какой-нибудь бирже! Реальные вещи делает! Как вот этот дом – она взглянула через ажурную ограду – был ведь мрачно-тесный монстр, прямо как у Достоевского. А теперь – бледно-зеленые изразцы, узкие полуколонны цвета топленого молока, такие же карнизы на каждом из шести этажей. На верхнем, где их квартира, карниз пошире. Очень красиво. Второй дом – близнец этого – Ленька перестроил под офисы, а в этом – люди живут. Удобно живут, комфортно. И это Ленька сделал! И почему же, скажите пожалуйста, вдруг – так жить нельзя!

– Что это еще за профессия такая – бизнесмен? – возмущалась Лидия Робертовна. – Как у буржуев! Он же мог отличным инженером стать, сейчас бы уже и кандидатскую, и, может, даже докторскую защитил, в приличном НИИ работал бы…

Остались ли еще в России «приличные НИИ», Леля не знала, как и свекровь, скорее всего, тоже. Дело было не в этом, а в принципе.

Денежки от «буржуя» она, впрочем, брала исправно.

Лелина мамуля тоже… брала, но хоть в позу оскорбленного в своей классовой чистоте пролетария не становилась.

Обычно Леля пропускала наставления свекрови мимо ушей, а сейчас вдруг подумала: «Какого черта, почему я должна это выслушивать?»

– Простите, Лидия Робертовна, – торопливо проговорила она. – Мне нужно… Я не могу больше разговаривать.

– Но…

– Извините, Лидия Робертовна, – повторила Леля.

– Передай Вале, чтобы мне перезвонил, – сухо распорядилась свекровь. Наверняка только для того, чтобы оставить за собой последнее слово.

* * *

– И чего это вы тут расхозяйничались?

Голос был скрипучий, требовательный, явно возмущенный – под стать своему обладателю. Леший его знает, откуда этот «обладатель» взялся, до ближайшей деревни километров не то шесть, не то все восемь. Может, и вправду леший его принес? Или он сам – леший? Потому и недоволен, что в его владениях посторонние?

Дим поймал себя на том, что рассматривает визитера почти с восхищением. Профессиональным. Все-таки стилистом он стал не только ради куска хлеба насущного. Далеко не только.

Явившийся незнамо откуда дедуля был хорош! Драный овчинный полушубок – когда-то, вероятно, белый, а теперь изрядно пожелтевший, в грязно-пестрых пятнах и потеках, свидетельствующих о его, полушубка, бурном прошлом. На правом рукаве – неопрятные подпалины, словно дедок совал руку в костер. Хотя,

может, и правда совал… На левом боку – размазанная черная клякса, не то деготь, не то гудрон. Горло замотано арафаткой – черно-белой и на удивление чистой.

Из-под расстегнутого полушубка и закрывавшей горло черно-белой клетки виднелся синий трикотаж, изрядно застиранный и поблекший. Во времена Димовой и Ленькиной юности такие курточки с застежками-молниями именовались почему-то олимпийками, хотя плотная ткань, насквозь синтетическая, для спортивных занятий не годилась вовсе. Впрочем, для спорта олимпийки использовать жалели, они считались если не вершиной модного шика, то чем-то к нему близким. Носили их невзирая на пол и возраст и с чем попало, вплоть до шелковых платьев. Хотя теоретически к подобной курточке-кофте прилагались еще такие же штаны. Вроде бы даже с белыми лампасами.

Штаны на «лешем» оказались обычные – ватные. Ну да, по лесной чаще шкандыбать – самое оно.

Такому сказочному персонажу, пусть и в выпадающей из образа арафатке, подобало бы носить заношенные до лохматости стоптанные валенки. Серые или серо-коричневые. И чтоб на одном из них – кривоватая кожаная латка, пришитая через край крупными неровными стежками. Но на ногах у «лешего» красовались стильные зимние кроссовки. Высокие, почти новые, неправдоподобно яркие: пронзительно-синие, с оранжевыми и белыми вставками. Совершенно ослепительные и чудовищно неуместные. Откуда бы у деревенского деда – даже если он не леший, а просто местный житель – подобная роскошь? Должно быть, кто-то из рыбаков-охотников, таких же, как они с Ленькой, «с барского плеча» пожаловал. Егерь-то, владелец избушки, скорее всего, не только Леньку привечает. Сколько им там, егерям, платят? А тут какой-никакой приварок.

Сказочный же дедуля, надо понимать, контролирует процесс. Хотя, может, просто так, для собственного развлечения лезет не в свое дело. Ишь развопился как. Словно чужаки в его собственную избу приперлись. И расположились, да. Классный экземпляр!

Дим воровато, не поднимая руки от кармана, направил на гостя телефон – потом в жизни не простил бы себе, если бы не сфотографировал столь колоритное явление. Ладно арафатка, их сейчас все подряд носят, но кроссовки, надо же!

И воняло от дедка почему-то не лесной чащей и даже не перегаром – а бензином. Современный такой… леший.

Джою дедок не понравился. Набрасываться на непрошеного гостя пес, конечно, не стал – не дурак, – но поднялся со своего места, подошел поближе, остановившись шагах в десяти (или в двух прыжках, если вдруг что) от незваного гостя, гавкнул басовито. Не залился лаем, как цепные пустобрехи, а – обозначил присутствие. Подумав, для убедительности еще и рыкнул – тоже без особого азарта, но убедительно. Дим на всякий случай сделал и общий кадр: слева напрягший плечи Джой, справа «леший» в ослепительных кроссовках.

Зато Ленька гостю будто бы даже обрадовался. Или просто привычка «налаживать контакты» стала у него уже автоматической? Диму, чей бизнес (при всей, в общем, успешности) на фоне Ленькиного холдинга и в микроскоп было не разглядеть, эта способность друга казалась удивительной. Вот как можно улыбаться всем подряд – и чтоб улыбка не выглядела «американской»? Пластмассово-фальшивой то есть. Впрочем, Ленька вообще уникум. Все ему – игра, шуточки, как будто так и не вырос из двенадцати лет. Однако все готовы под его шуточки тут же плясать. Как под дудку Крысолова. Вот и сейчас Джоя осадил небрежно, почти смеясь:

– Фу на тебя! Ты как себя ведешь? Человек пришел, а ты на него бочку катишь. Ай-яй-яй!

Пес тут же повалился на бок, картинно раскидав лапы по сугробу, – и вовсе, мол, я ни на кого никакую бочку не катил, птичка пролетела, вот я и гавкнул.

– Да вы проходите, он больше не будет. – Ленька приветливо улыбнулся «лешему» и повел рукой в сторону избушки. – Чайку с нами выпьете?

– Чайку? – не то недоверчиво, не то недовольно буркнул дедок.

– Ну или не чайку, найдется и что иное, если пожелаете.

Друг рассыпался перед затрапезным гостем так, словно тот был потенциальным инвестором, готовым под соответствующее настроение вложить в дело пару-тройку миллиардов. Вот Ленька и создавал «соответствующее настроение». Очень похоже. Или наоборот – словно заговаривал зубы потенциальному

конкуренту (еще не ведающему, что он таковым является), дабы усыпить бдительность. А после – ам, и нет конкурента.

Интересно, акулы улыбаются своей добыче?

Дим редко вспоминал, что Ленька – акула. Хотя поди такое забудь. Владелец гигантского холдинга, поднявшийся – и не пропавший, как большинство тогдашних, – в лихие девяностые. С мелочи начинал, с книгообмена. А сейчас – владелец заводов, газет, пароходов. Газет, правда, в Ленькиной собственности вроде бы не имелось. Но вот насчет пароходов Дим уже не был так уверен. И нате вам – расшаркивается перед обтерханным, хотя и колоритным местным «лешим».

Именовался тот вполне подходяще: Трифон Кузьмич. Виски ему не понравился:

– Дык самогон он и есть самогон. Благодарствуйте, конечно, за угощение, но нам бы чего попроще. По-нашему чтоб… ну там красненького могем или беленькой, еще лучшее. – Он так и выговаривал «лучшее», с ударением на предпоследнюю «е». Экий посконный дедуля, подумал мельком Дим, удивительно, что такие нынче еще остались. В двадцать первом-то веке!

Хотя внутри егерской избушки двадцать первый век казался куда менее реальным, чем посконное «лучшее». Даже широкая лавка под окном была накрыта вытертым гобеленовым ковриком с лебедями – экая древность. Спинкой лавке служил длинный, набитый душистым сеном мешок. И, честно, такого удобного сиденья Дим в жизни, кажется, не встречал, какие там анатомические диваны, что ты!

«По-нашему» у Леньки в рюкзаке тоже нашлось – прозрачная тяжелая литровка «беленькой» (явно недешевой, хотя Дим в водке и не разбирался).

– От это совсем другой коленкор!

Ленька осторожно поинтересовался:

– Трифон Кузьмич, а что это мы с вами раньше-то не встречались? Я к Семенычу (так звали егеря) не первый год наезжаю, а вас не припомню.

– Дык я тут живу-то всего третий год. У меня дом в Брянской губернии. Ну был то есть. Тут, вишь, кака история вышла. – Кузьмич повозился, устраиваясь поудобнее: когда еще выпадет возможность поведать свою историю свежим слушателям? – Дочурка моя с зятем фермерствовать надумали. Надоело им, вишь, в городе. И то – чего там, в Брянске, ловить? Даже еще и не в самом Брянске. В столицу ехать, карьеру делать (он так и сказал «карьеру делать») поздно уже, не молоденькие, свои детки взрослые, все выучились, все при деле каком-нибудь. Да и кака там карьера у продавщицы да у электрика? Не, зять у меня рукастый, не токмо электрик, он и столярку, и сантехнику всякую – все могет. А тут, вишь, домик их под снос обозначили – трасса, что ли, какая-то там идет, не то еще другое строительство. Квартирку взамен выделили, ясно дело, но они-то привыкшие собственным домом жить: огородик там, курочки, козочка, иногда свинок подращивали. В земле-то оба умеют копаться, в квартире им тесно и душно. Ну я им свою хату и отдал, а сам сюда, к куму перебрался. Он тоже вдовый, осьмой год уж, кум-то, ему тож одному куковать невесело. А вдвоем мы ого-го! Кум-то, пока один куковал, сильно по этому делу поплыл… – Дедуля щелкнул себя по кадыку. – Я ему мозги-то прочистил, ты чего, грю, на погост раньше срока собрался? Погоди пока, не время. И – завязал кум! Не то чтоб начисто, тут у нас совсем без этого дела тоже никак. Но аккуратно потребляет, в плепорции. С морозу там или с устатку. Хозяйство его вдвоем налаживаем. Вот крышу прошлым годом перекрыли, нонешним – баньку бы подновить надобно.

Початую литровку дедуле отдали с собой.

От свежего воздуха и длинного-длинного дня Дима сморило рано. Ленька еще возился, приготовляя что-то к завтрашнему действу и шикая на лезущего под ноги Джоя, а Дим подремывал. Как будто на теплых волнах качался. Качался, качался, качался… Стуки, возня и шорохи наконец смолкли, но обступившая его тишина почему-то не убаюкивала, а наоборот. Да и тишина была не совсем тишина. Даже посыпавший вдруг снег шептал за окнами довольно явственно. Переговаривался с принесшим его ветром, постукивал мелко в окна, позванивал стеклами, поскрипывал досками ветхого крылечка…

* * *

– Не извольте беспокоиться, беспременно передам, – пробурчала Леля, словно свекровь еще могла ее слышать.

В ее возрасте, видите ли, пора стать серьезнее! Можно подумать, Леля сама не понимает, что сорокалетняя женщина, демонстрирующая ужимки пятнадцатилетнего подростка, выглядит смешно и жалко. Но Леля ведь никогда! Никогда-никогда!

Она же не уродует себя, как вон та сворачивающая за угол девица! С волосами, выкрашенными в три цвета: бледно-синий с зеленоватым оттенком, почти бирюзовый, вырвиглазный персиковый, скорее даже оранжевый, и – ослепительно белый. Собственно, в пестрых волосах нет ничего ужасного… Вот если бы трехцветная девица надела длинное черное пальто или коротенькую джинсовую курточку (трехцветную, как волосы, или белую), было бы отлично. Но на фоне унылого пуховика цвета подгнившей болотной тины и еще более унылого полосатого серо-коричневого шарфа грубой вязки пестрая девицына голова выглядела неуместно, как бриллиантовое колье с купальником. Она-то, Леля, всегда чувствовала, что уместно, а что нет.

Сам Вадим Леонтьевич Рерих, модный питерский стилист, владелец крупнейшего «бьюти-центра», а для нее и Леньки просто Дим, говорил, что у Лели чувство стиля врожденное. Как музыкальный слух. Так что Лидия Робертовна – просто дура!

– Чтоб тебе сдохнуть!

Она вздрогнула. Не от страха (ничего пугающего в раздавшемся подле голосе не было, голос как голос, женский, по-старчески скрипучий) – от неожиданности. Или от неловкости, что ли. Как будто на новое – белое-белое! – пальто нагадила вдруг пролетавшая птичка. И теперь посреди сияющей белизны – отвратительное пятно. Ни ты в этом не виновата, ни тем более птичка. И страшного, в сущности, ничего. Но неприятно. Мало было звонка от свекрови, так еще и это!

Секундой позже она почувствовала и запах. Не то медицинского чего-то, не то химического. С отчетливой примесью гнилой затхлости.

– Чтоб тебе сдохнуть! – повторил голос.

Леля осторожно повернула голову. Хотя ей совершенно не хотелось. Как будто, если не смотреть, окажется, что скрипучий голос просто померещился, и

никакого запаха нет, и той, что его источает, – тоже.

Но она была.

Старуха, конечно. В полном соответствии с голосом и «ароматом».

Леля уже видела ее – но раньше только издали, а тут вдруг ведьма зачем-то решила подойти. Хотя, может, это вовсе и не та, что несколько раз за зиму Леле попадалась. Все бедные старухи похожи одна на другую. Хотя эта пожалуй что и особенная.

Гротескная настолько, что казалась ненастоящей. Как будто под обильными лохмотьями – никакого тела. Пустота. Хотя, конечно, просто тощая старуха. Напялила на себя почему-то много всякого тряпья – словно собиралась на маскарад и не смогла выбрать, какой костюм ей больше к лицу. К лицу, да. Темному в тени обвисших полей нелепой джинсовой панамы, с почти черными провалами морщин. Какой маскарад?! Скорее уж мешок старья из благотворительной конторы… Точно! И запах этот – наверняка запах дезинфекции. А навертела на себя столько одежды, чтобы не мерзнуть. Или… или просто негде держать свое «имущество»… Это же просто нищенка! Бомжиха!

Нищих Леля опасалась. Чувствовала себя почему-то виноватой – как будто украла у них что-то. Благополучие свое, счастье, беспечальную, в сущности, жизнь.

– Чего вылупилась? – проскрипела старуха. – Сытая, довольная? Нахапала, нагребла? Все себе, а остальным – фигу без масла!

Вот тут Леля впрямь испугалась. Старуха словно мысли ее прочитала.

– Что вы такое говорите? – пролепетала она.

– Что слышала! Не век тебе жировать! Сдохнешь в собственной блевотине – всем на радость!

Наверное, надо ей денег дать! Несчастная же бабка! Бездомная, вонючая… Леля принялась шарить по карманам в поисках наличности – тут карты банковские, тут телефон… Были же какие-то деньги… Кажется…

– Сейчас, сейчас, погодите, где-то у меня…

Старуха явно догадалась, о чем Лелин бессвязный лепет, и взъярилась еще больше:

– Засунь свои паршивые деньги себе в… – и подробно объяснила, куда именно следует отправить милостыню. – Не откупишься!

– Что вам надо? Кто вы…

– Судьба твоя, неуж не признала? – Старуха ухмыльнулась. Зубов у нее, вопреки ожиданиям, имелся полный комплект. Не редкие гнилые пеньки, как положено нищенке, а два ровных плотных ряда. Только не белых, а темно-желтых. – Что, не нравлюсь? – Зубы как будто щелкнули. – Привыкай…

Правый рукав, длинный, скрывающий руку до кончиков пальцев, поднялся, словно для удара. Леля отшатнулась. Но старуха, ухмыльнувшись на прощанье, уже шагала прочь.

Настроение испортилось стремительно. Хотя с чего бы? Подумаешь, сумасшедшая старуха! К тому же не совсем трезвая. Запаха перегара Леля не почувствовала, но наверняка, наверняка старуха просто пьяна!

С Петропавловки донесся едва слышный отсюда пушечный удар – полдень. Леля поежилась, вспомнив вдруг бетховенское «так судьба стучится в дверь». Это та ужасная старуха сказала про судьбу, а Петропавловская пушка тут вовсе ни при чем, она каждый день стреляет! Мика рассказывала, что некоторые не слишком чистоплотные экскурсоводы собирают с японских туристов отдельную мзду, убеждая тех, что пушечный выстрел – это такой дополнительный сервис. Интересно, правда или нет?

* * *

Диму показалось, что так он продремал всю ночь: слушал громкую тишину и зачем-то пытался вспомнить, как все-таки называется эта затянутая льдом речушка. Не может же она зваться «приток Свири»? Нет, конечно. Приток носил какое-то сложное чухонское имя, Дим за все эти годы так и не смог его запомнить, называл речушку попросту Каменкой. Бог весть, откуда у него в голове взялась эта Каменка – из детства, что ли?

Класса до седьмого-восьмого его отправляли на каникулы к деду, у которого был собственный дом в Ставрополье. Не у моря, правда, но все равно по сравнению с промозглым даже в середине лета Питером – благословенные края: солнце, фрукты, лес с орехами-грибами-ягодами. Станица называлась Верхняя. Дим удивлялся: почему Верхняя есть, а Нижней нет? Потому что на юру стоит, усмехался дед. На обрыве то есть, на правом, высоком берегу той самой Каменки.

Егерская избушка тоже стояла на небольшом обрывчике, с которого торчала подмытая паводками береза. За ее наклоненным почти до горизонтали стволом обрывчик понижался, потом опять появлялся. Что там дальше, Диму было неведомо, бродить по лесу он не любил. Это вот Ленька вчера, едва приехали, сразу, чтоб не угодить в сумерки, пошел выбирать место, ходил довольно долго, потом сказал, что от добра добра не ищут, и провернул лунку прямо за обрывом – чтоб наутро не возиться, только ночную наледь сбить. И лишь потом принялся распаковываться, таскать в избушку припасы…

Когда Дим проснулся, в окошко уже било неожиданное солнце. Избушка была, конечно, пуста. Ну да, а чего он ждал? Что Ленька станет торчать в домике до полудня? Не ждал, конечно, это было бы как-то совсем глупо.

До кривой березы Дим дошел минуты за две. И застыл, глядя вниз.

Вместо аккуратной лунки на ледяном поле красовалась неровная сизая клякса. Не особенно большая, метра два или три, максимум пять, но… Но.

Оскальзываясь на засыпанной ночным снегом крутой тропинке, он спустился к воде. Ну то есть к затянутой льдом речке. Частично затянутой, вот ведь какая штука. Сизая клякса явственно поблескивала стылой, похожей на студень водой. Ни Леньки, ни Джоя нигде не было видно. Только истоптанный снег и дальше – сизая промоина, окаймленная белесыми закраинами свежего льда.

Откуда ни возьмись появился давешний дедок, бормочущий деловито и как будто с удовлетворением:

– Чего в пролубь-то пялишься? Уронил, что ли, чего? И забудь! Тут течение знаешь како? Даже коли чего потяжельше, ну там на дно опустится, так и по дну уволочет, не достанешь. Эй, ты чего застыл-то? – голос дедули наполнился чем-то вроде тревоги. – А где приятель твой? Вы ж вчерась вдвоем были?

Дим только плечом дернул. Говорить, объяснять, отвечать на вопросы было тошно.

Дедок подошел почти вплотную, оглядел истоптанный снег, изломанные края полыньи, похмыкал.

– Неуж утоп приятель-то твой? Ась? Утоп, что ли, говорю, вчерашний-то? Эх, городские! Сколько вам талдычишь, что стремнина, лед тонкий и нечего тут делать, все лезете. И кажный год одна и та же песня: беспременно кто-нить да потонет. А то и не один. И ведь прямо у берега, бывалоча, тонут. И очень даже просто. Тут нешироко вроде, зато глыбко, коль провалится – кранты. Чего пялишься-то? Не веришь? Ну ныряй тогда, ищи! Приятель-то твой, небось, уже в Ладоге с селедками беседы разговаривает.

С селедками? В Ладоге? Дим глядел на дедка с изумлением. Что он несет? Да, может, и нет никакого дедка? Может, это и впрямь домовой здешний? Или, как его, леший? Впрочем, вчера дедок совершенно точно был. Трифон Кузьмич его звали. Ленька ради него водочную литровку (запланированную, надо полагать, в пополнение егерской кладовки) из рюкзака вытащил. И отдал початую – «на дорожку». И что? Дедуля за добавкой пришел? Хотя на похмельного не похож.

– Эй, ты вовсе застыл, что ли? – затеребил его дед. – Ты погодь, мож, еще и выплыл дружок-то твой. Давно пропал? Там пониже пролубь есть, – он так и говорил «пролубь», Дим почему-то от этого вздрагивал. – Может, выбрался? Надо бежать, а то мокрому-то на холоде уж точно верная смерть. Шевелись, пошли, говорю! Погодь убиваться-то!

До проруби «пониже» шли, точнее, пробирались, оскальзываясь и хватаясь за мерзлые ветви, с четверть часа.

– Вот она, – остановился вдруг Кузьмич.

Дим и сам уже увидел – действительно, прорубь. Кто ее тут устроил? Жилья поблизости вроде нет.

– Там, – махнул рукавом дед, точно подслушавший Димовы мысли, – Лукинична живет, вдова бывшего лесника. Ейная пролубь. Вишь, тропинка? Вбок виляет, вишь?

Спустились пониже, к виляющей тропинке.

Вода в проруби была не сизая, как в той, возле избушки, промоине, а мутная, бело-коричневая. Как будто и не вода вовсе. Как будто кто-то бросил в прорубь лохматый овчинный тулуп – такой же, как у Кузьмича. Зачем?

Только тут до Дима наконец дошло: какой там тулуп! Вот это мокрое, бело-коричневое, страшное… – Джой.

– Ах ты божечки ж мои! – всполошился дед Кузьмич. – Бедняжка! Тоже, видать… ай, вот незадача-то! За хозяином, небось, кинулся, да где там! И, вишь, царапины-то какие по краям? И кровь на них, вишь? Выбраться пытался, да только края обломал, ах ты ж господи! – и уточнил уже деловитым тоном: – Ваша собачка-то?

Дим кивнул, хотя дедок стоял спиной и видеть этого никак не мог. Но, похоже, понял, больше не спрашивал.

Странный был дедок. Точно не живой человек, а – морок. Может, и вправду – морок? Может, Дим спит сейчас в егерской избушке и надо просто проснуться?

Он потер глаза. Серо-белый, исчерченный тонкими черными линиями прибрежного ивняка и окаймленный темной зеленью еловых верхушек пейзаж никуда не делся. И рукам стало холодно. Все было на самом деле: и сизая промоина на месте провалившегося льда, и страшный шерстяной комок в проруби, и маленькое белое холодное солнце на бледном небе. Диму вдруг показалось, что березы, темная бахрома корней под обрывом, зеленые зубцы елок – все начинает вращаться вокруг маленького белого кружочка в вышине.

Сперва медленно, потом быстрее… Еще этого не хватало… Он никогда, никогда не падал в обморок! Проклятье! Зачем он сюда поехал?!

В голове крутились бессмысленные обрывки «инструкций»: если вы попали в чрезвычайную ситуацию, нужно… Что нужно? Вроде бы надо милицию, ох, черт, полицию вызвать… Хотя лучше дедка спросить, он-то наверняка знает.

Колоритный «леший» меж тем куда-то делся.

Дим вытащил из кармана мобильник. Связь, как ни странно, была. Тупо поглядел в экран, соображая, что делать дальше. Какой номер набирать? Что говорить? Надо было вызывать каких-то специальных людей – кого именно: спасателей? полицию? пожарных на вертолете, чтоб их всех черти взяли?

Дисплей подмигивал цифрами точного времени: одиннадцать пятьдесят девять. Если бы он сейчас был в Питере, через минуту услыхал бы выстрел Петропавловской пушки.

Зачем, ну зачем он поехал на эту проклятую рыбалку? Сидел бы сейчас в своем кабинете, просматривал эскизы. Да пусть даже бухгалтерские отчеты! Все лучше было бы, чем здесь! Но разве можно Леньке отказать? У Дима, во всяком случае, это никогда не получалось.

И все-таки куда сперва-то звонить? В полицию? Спасателям? Или есть какой-то единый номер – как знаменитый девять-один-один?

* * *

– Здравствуйте, Леля! С возвращением!

– Здравствуйте, Галина Терентьевна, – кивнула она, мысленно поморщившись. Сразу вспомнилось замечание школьной учительницы труда (во времена Лелиного детства еще были такие уроки!): излишек сахара может испортить любое тесто. Консьержкина улыбка именно такой и казалась, сладкой-пресладкой, до тошноты.

Вообще-то Леля консьержек жалела (что за работа – следить за приходящими-уходящими), но рядом с Галиной Терентьевной чувствовала себя неуютно, словно ее, Лелино, благосостояние каким-то образом у консьержки было украдено, и старалась побыстрее дошагать до лифта.

Едва Леля повернулась спиной, лучезарная улыбка с лица консьержки вмиг исчезла. В глазах Галины Терентьевны плескалась ненависть. Ишь поскакала! Анжеличка – доченька, кровиночка – чуть не на десять лет младше, а ее даже со спины за школьницу не примешь, не то что эту! Оно и понятно: эта-то вертихвостка живет на всем готовом, палец о палец не ударит, с чего ей стареть? Чего удивляться, что она подружкой собственного сына выглядит. И да, вот скажите, нормальные люди отправляют своих детей в Англию учиться? То-то же. А муж этой, тьфу, Лели, хозяин дома, раз – и отправил. Только дочку при себе оставил. Зато ей – квартирку поближе к университету, где та учится, купил! Чтоб ножки не перетрудила! А Галине Терентьевне – кандидату физико-математических наук! – приходится вахтером сидеть! Потому что Валентин Григорьевич – хозяин! – ей служебную квартирку с барского плеча пожаловал! Конурка крошечная, бывшая дворницкая, вот прямо тут, за вахтерской будочкой, но теперь хоть у Анжелички своя жилплощадь имеется – а то ведь так и будет до пенсии бобылкой куковать!

Вот почему одним все, а другим – шиш с маслом? За что этой Леле такой муж?! Ну выглядит прекрасно, и что? Если бы у Анжелички были такие наряды да походила бы она к косметологам всяким и визажистам, тоже красоткой бы смотрелась, может, еще и получше! Но где ж таких деньжищ набрать! А эту, прости господи, небось, еще и бесплатно обслуживают. Хозяйский приятель, бугай с татарским лицом и немецкой фамилией, владелец здоровенного салона красоты, не просто так в их хоромах (весь шестой этаж – одна квартира, уму непостижимо!) вечно ошивается. Дома ли «сам», нет ли, ему без разницы. Не иначе к хозяйке клинья подбивает. А может, уже и подбил… Да, скорее всего, и дети-то не от Валентина Григорьевича – ведь ни Платон, ни Ульянка на него ничуть не похожи. Правда, они и друг на друга не похожи, хоть и близнецы…

Галина Терентьевна вернула на лицо привычную улыбочку: не ровен час обернется вертихвостка. Заметит, нажалуется мужу – и прощай, место, прощай, служебная квартирка!

Нет, не обернулась.

Леля забыла про консьержку, едва оказавшись в кабине лифта. А доехав до шестого этажа, улыбнулась облегченно. Подумаешь, свекровь! Подумаешь, старуха сумасшедшая! Какие, право, все это пустяки!

– Привет, я дома! – прошептала она.

Дверь мягко, почти беззвучно, щелкнула за спиной. Леля улыбнулась.

Привычка здороваться с порога осталась с тех времен, когда Платон и Ульяна еще жили здесь, да и Ленька бывал дома чаще (или это только сейчас так кажется?). И каждый, приходя, «докладывал» тем, кто уже тут. Теперь квартира часто встречала пустой тишиной. Но Леля все равно здоровалась: дом – тоже живой. И он отвечал. Вот и сейчас на ее «привет» улыбнулся неведомо откуда взявшимся солнечным лучом, пробудил искорки в глубине подзеркальника карельской березы, зажег на мгновение радугу в цветных стеклах люстры, зазолотил мех забытой на вешалке дубленки.

Улыбнувшись, Леля взялась за дубленку – надо в гардеробную убрать, нечего тут пылиться, – и тут на кухне что-то звякнуло. Как будто там домовой объявился. Эх, вот если бы и вправду – домовой! А еще лучше – Ленька! Но он, разумеется, так рано вернуться не мог. Он всегда укатывает на свою рыбалку ранним субботним утром, а возвращается, когда воскресенье уже собирается превратиться в понедельник. А если бы все же каким-то чудом Ленька вернулся раньше, дом встречал бы ее не выдуманными солнечными зайчиками, а звонким лаем Джоя, его шумными радостными прыжками, мокрым языком, мотающимися во все стороны ушами. И запахом рыбы, конечно. Сейчас же дом пах как обычно – кофе и сухими травами. Леля капала из аптечных флакончиков с маслами на кусочки пемзы, и от них расходились волны – чабрец, тимьян, полынь, тысячелистник…

Не Ленька… И не Ульяна.

Отселяясь в подаренную отцом квартиру, здешние свои ключи дочь чуть не демонстративно выложила на подзеркальник (они и сейчас там, в ящичке, лежат), надумав же навестить, предварительно звонит. У Платона ключи есть, но он из Англии только через месяц прилетит – или когда там у них пасхальные каникулы? Почему-то в Европе пасхальные каникулы категорически не совпадают с русской Пасхой – как это вообще так?

Ай, да бог с ней, с Пасхой!

Она ведь точно слышала какое-то звяканье. Вот… опять… А что, если там… кто-то… Например, та жуткая старуха?

Леля знала, что она трусиха. Так же, как знала, что сейчас бояться было глупо. Откуда бы в их доме – с тройной системой защиты – взяться злоумышленнику? Никакую сумасшедшую старуху сюда не пропустили бы! И с какой стати злоумышленнику возиться на кухне? Но жутковатый холодок перехватывал дыхание и заставлял ноги дрожать. Словно в такт пушечному удару, про который ей подумалось: «так судьба стучится в дверь».

– А я тебе еще раз говорю, беда с девчонкой! – заявила картинно вставшая в проеме кухонной двери мамуля. Она всегда начинала свои речи именно так – словно подхватив давнюю какую-то беседу посередине, то бишь продолжая уже начатый (хотя бы только в ее собственных фантазиях) разговор. – Я ее вчера видела.

Питер – город, в сущности, небольшой, и ничего удивительного в том, что вышедшая «на променад» мамуля наткнулась на свою внучку. Но Екатерина Александровна явно была этой встречей недовольна.

– С однокурсницами, вероятно, – недовольно, почти презрительно продолжала она. – Сидят, представляешь, стайкой на ограждении – прямо воробьи. И курят. Все. Но курят – ладно, это так, от молодого нигилизма. Но ведь сейчас начало марта! Под ногами лед, представь, какой камень холодный! Она ж себе все там застудит, кто ее потом замуж-то возьмет?

– Мам, не начинай, а? – попросила Леля без особой надежды на успех. Давным-давно пора было изъять у мамули ключи, но Леле все никак не хватало на это смелости. Леньку, что ли, попросить?

– Чего не начинай? – продолжала возмущаться Екатерина Александровна. – Ты мать или где? Кто будет за ней следить, если не ты? И главное – только девицы ведь сидели, ни одного мальчика!

– Мамуль! Это филфак, какие мальчики, их там полторы штуки! Да и те не так чтоб презентабельные.

– Ты не оправдывайся, ты головой подумай! Кроме мальчиков с факультета, есть же еще какие-то варианты! И кто, кроме тебя…

Подробно объяснив Леле, что ее «равнодушие» доведет до того, что Ульяна останется старой девой, мамуля переключилась на ведение домашнего хозяйства. Почему Леля не наймет уже горничную – а лучше нескольких – и кухарку, как можно самой на кухне возиться, нищая, что ли?

Это было смешно, конечно. Подумаешь, королева в изгнании! Словно родилась во дворце, а вот теперь вынуждена… снисходить. Да, какие там дворцы! Мама родилась в маленьком мордовском поселке с шелестящим названием Атяшево и в Питер перебралась уже взрослой. Однажды, рассердившись на тринадцатилетнюю Лелю, бросила зло: «Я ради тебя старалась! С тобой недельной на руках на обратный поезд рванула, только чтобы тебе свидетельство о рождении в Питере выдали! Намучилась чуть не до смерти! Другая бы ценила, а ты!» Что такого особенно ценного в питерском свидетельстве о рождении, Леле было непонятно. Какая разница? Но историю о том, как Екатерина Александровна, поехав навестить мать, раньше срока произвела на свет ребенка и приложила героические усилия, чтобы ликвидировать последствия этой неприятности, Леля даже Леньке не рассказывала. Все думали, что она родилась в Питере! Мама хранила их «страшную» тайну, потому что родиться «там», а не «здесь» ей почему-то казалось чуть ли не постыдным. Леле же от этой тайны было весело.

– И дизайнера по интерьерам давно пора пригласить, – продолжала раздавать руководящие указания мать.

Нет, ей-богу, это в самом деле было смешно. Интересно, в Атяшеве есть дизайнеры по интерьерам?

– В спальню непременно нужно что-то розовое… – щебетала Екатерина Александровна, уже стоя в дверях. – Ну или персиковое. Сразу на двадцать лет помолодеешь.

Пока что Леля чувствовала, что постарела. Может, не на сорок, все-таки Екатерина Александровна сегодня держалась «в рамках», но лет на двадцать точно.

Чтобы отвлечься и забыть обо всех неприятностях, можно было заняться уборкой. Этого мамуля тоже понимать не желала: почему Леля наводит чистоту в доме собственноручно? При таком-то богатстве! Как это – нравится?! Что за чушь!

Но наводить чистоту, когда в доме и так порядок, глупо. Только еще сильнее расстроишься, не видя результата. Вот погрузиться бы сейчас в какой-нибудь сложный кулинарный процесс – моментально все расстройства из головы вылетели бы! Но крутиться сейчас на кухне тоже глупо: вечером Ленька явится с добычей, и все наготовленное днем окажется лишним. Хотя…

Леля даже ладошками прихлопнула от радости: можно ведь тесто затеять! На рыбные пироги! Или на расстегаи! Или профитроли? Крошечные, с капелькой рыбного фарша – вместо хлеба к ухе! Гениально же получится! И расстегаи – тоже, это само собой…

Телефон в кармане брошенной в холле куртки разразился мелодией из старого советского фильма «Верные друзья» – это означало, что звонит Дим. Лучше бы Ленька, но после мамули Дим даже лучше.

– Лель, ты?

Глупый вопрос, если звонишь по мобильному. Но Дим всегда начинал разговор именно так, ностальгировал по временам стационарных телефонов.

– Привет, Дим, – весело откликнулась она, радуясь, что он позвонил сейчас, а не на десять минут раньше, иначе мамуля еще один воспитательный монолог запустила бы. – Ну что, вы там уже всю рыбу распугали? Или она к таким двум красавцам сама в руки прыгает? Или вас на льдине унесло в дальние дали и ты звонишь от берегов Антарктиды, привет от пингвинов передать? В смысле – где мой ненаглядный супруг? Ты его там не утопил, не поделив ценный улов?

Они с Димом частенько болтали по телефону вот так – ни о чем. По телефону это почему-то получалось легче, чем вживую. Вживую все было как-то… серьезнее, что ли? А на расстоянии даже самые банальные фразы смешили и согревали.

Но сейчас, вместо того чтобы подхватить немудрящую Лелину шуточку, Дим молчал…

* * *

«Наш источник в Следственном комитете сообщает, что версия убийства владельца известного холдинга «Гест» в данный момент не рассматривается, по факту происшествия проводится тщательная доследственная проверка, в качестве основной версии рассматривается несчастный случай.

Однако мы не можем обойти вниманием и тот факт, что, по неподтвержденным пока данным, у господина Геста (владельца одноименного холдинга) в последнее время имелись серьезные проблемы. По сведениям осведомленных источников, к известному питерскому бизнесмену имелись серьезные претензии со стороны очень серьезных людей. Сосредоточены ли эти претензии в финансовой сфере или речь идет об очередном переделе сфер влияния и рейдерском захвате, пока неясно.

Хотя нельзя исключать и банального совпадения. Совпадения ведь в жизни тоже случаются, правда? Оставайтесь с нами, наши репортеры умеют обнаруживать «скелеты» в самых, казалось бы, благополучных «шкафах». Не пропустите!»

Господи, какой феноменальный бред! Они хоть по-русски изъясняться умеют? Три раза «серьезные» в полутора строчках! Владелец одноименного холдинга – боже мой! Сведения осведомленных источников! Она вовсе не собиралась ничего этого читать, но глаза сами выхватывали строчки и абзацы.

«Вести Санкт-Петербурга», «Балт-пресс», откровенно желтый «Питерский курьер», «Невский проспект» и прочие, еще более мелкие и невнятные. Ну и «Петербургские тайны», как же без них!

Мамуля таскала эти проклятые газеты пачками. Леля сгребала их в кучу, морщась от неприятного прикосновения к шершавым, как будто изначально нечистым страницам, и выбрасывала – но на следующий день груда появлялась вновь. Как будто восстанавливалась каким-то черным колдовством. Мамуля почему-то считала, что Леле нужно знать: ее трагедия не безразлична людям! Людям?! Журналюгам! Плевать им на трагедию, главное – скандал!

Саранча!

Ладно еще Шухов, Ленькин начальник службы безопасности, как-то сумел всю эту свору усмирить. Специалистом отставной милицейский полковник считался отменным, не смотри, что звали его Иваном Никаноровичем, и внешность бывалого служаки была под стать имени, почти нарочито рабоче-крестьянская. Блогерам, конечно, рот не заткнешь. Сетевые «эксперты» изощрялись кто во что горазд, моментально обозначив все как убийство и изобретая версии оного, вплоть до совершенно чудовищных – вроде причастности Лели и даже Платона с Ульяной. Но блогеры хотя бы в дом не пытаются прорваться, думала Леля, они свои измышления из пальца высасывают и торчат исключительно в интернете, куда можно и вовсе не заглядывать. Не открывать новостные ленты, не цеплять глазами кричащие заголовки. Да можно вовсе компьютер не включать! И телефон взять старый (спасибо тому же Ивану Никаноровичу за совет), в котором только звонки и никакого интернета!

Вот если бы так же можно было выключить собственную голову!

– Атяшево, Атяшево, Атяшево, – бессознательно и почти беззвучно шептала Леля, бросаясь от стены к стене. Когда она была маленькая, ей очень нравилось звучание этого слова – мягкое, теплое, успокаивающее. Как одеяло, которое – это знает каждый ребенок – лучшая защита от любых ночных кошмаров, будь то серый волчок из колыбельной или многорукий монстр из фильма ужасов. Возвращаясь вечерами домой после занятий в гимнастической секции, Леля так же, как сейчас, тихо шептала: «Атяшево, Атяшево, Атяшево». Словно это было защитное заклинание. И оно работало! Никто никогда не выпрыгнул на нее из темных проходов между гаражами. Ни бандит с ножом, ни зомби, ни живущие в городских подземельях гигантские крысы. Ни даже бродячие собаки! Но и у самого сильного заклинания есть, наверное, граница возможностей. И от некоторых вещей даже натянутое на голову одеяло, даже мягкое слово «Атяшево» не защитит. Сколько ни повторяй.

– Лель! Лелька, да остановись же! – Мика настигла подругу, обхватила обеими руками – крепко.

Но та вывернулась, заметалась опять по просторной темноватой гостиной, похожей на холл в дорогом охотничьем домике. Разве что мертвых оленьих и волчьих голов из стен не торчало. Кажется, этот стиль назывался средневековым: темное дерево, темная потертая кожа, цветное стекло в толстых кривых переплетах. От Лелиных метаний по витражу, отделявшему гостиную от кухни-столовой, летали тени, и казалось, что стекла текут. А Леля

все бросалась от стены к стене, из угла в угол, стучала по чему попало маленьким кулачком, потом, устав, съеживалась комочком в углу широкого дивана.

Мике подругу было жаль ужасно. Могла бы – круглосуточно рядом с ней сидела. Но в редакции журнала, который Мика возглавляла (и которым искренне гордилась), подходил день сдачи номера – самое суматошное время, так что в лучшем случае удавалось выкроить на Лелю два-три часа. Помочь Мика, конечно, ничем не могла – чем тут поможешь? – но когда рядом кто-то близкий, все-таки легче, правда? Лелька – Мика видела – честно пыталась взять себя в руки. Становилась почти прежней. Нет, не той улыбчивой звонкой Лелькой, к которой Мика привыкла, но – почти, почти. Да, эта Леля отчасти напоминала механическую куклу, однако Мика точно знала: если старательно притворяться, что ты жива, – жизнь потихоньку вернется. Психологи называют это обратной связью. Да как бы ни называли! Поминки же как раз для того и придумали: нагрузить тех, кто потерял родного человека, живыми заботами. Да, через силу, да, стиснув зубы и глотая слезы, но это помогает! А бедной Лельке даже и поминки не суждено устроить. Так нелепо все повернулось! Но она старалась! Старалась жить.

Стараний хватало когда на полдня, когда всего на пару часов. А потом все начиналось сызнова. Как сейчас.

– Не могу! Не могу, не могу, не могу! Этого не может быть! Это глупость какая-то! И неправда! Неправда! Неправда! – Сорвавшись на крик, она закашлялась, схватилась за горло, сморщилась…

– Лель, не держи себя… поплачь, – неуверенно посоветовала Мика, понимая, что сказала глупость. Вообще-то обыкновенно у Лельки слезы стояли близко, чуть что – и брызгали. Но сейчас покрасневшие глаза были совершенно сухи.

– Не могу! – отчаянно вскрикнула она. – Никак! – саданула яростно кулачком по обрамлявшим камин корявым булыжникам (тоже вполне «средневековым»), затрясла досадливо рукой, слизнула с костяшек выступившую кровь. – Больно, – проговорила жалобно и удивленно, это тоже вышло совсем по-детски. – Все равно не получается! Ни слезиночки! Как? Как он мог так со мной поступить? С нами… Как он мог меня бросить?!!

– Лель, человек вообще-то не выбирает… – начала было Мика, но Леля ее перебила:

– Ленька всегда все выбирал сам! Ты что, не знаешь? Мне никогда не приходилось ни о чем даже задумываться… Как он мог?! – Она принялась яростно тереть виски, словно пытаясь выцарапать из головы мешающую мысль. – Да знаю я, что ты его терпеть не можешь!

Она продолжала говорить о пропавшем муже в настоящем времени, но «терпеть не можешь» – это было уже гораздо лучше, чем никуда не ведущее «как он мог». И уж точно лучше, чем «это неправда». Ничего, подумала Мика, Лелька, при всей своей кажущейся хрупкости, сильная. Нет, не сильная, включился внутренний редактор, это неправильное слово. Правильное – живая. В Лельке всегда жизнь била через край – даже если она, едва дыша, чуть не на цыпочках, колдовала над каким-нибудь «осторожным» соусом. Ничего, она справится. Жизнь свое возьмет. Хотя Ленька, конечно, тот еще жук…

– Не преувеличивай, – усмехнулась она. – Терпеть не могу, скажешь тоже. Мне он всегда скорее нравился.

– Это ты сейчас так говоришь! А сама вечно цеплялась: Лелька, не увлекайся, Лелька, не теряй голову, покажи характер, Лелька то, Лелька се.

– Ну так ты настолько уж в нем растворялась, что себя забывала. А это не дело.

– Не дело?! – вскинулась Лелька. – Да что б ты понимала! С тебя-то как с гуся вода: не один, так другой, подумаешь! А мне без Леньки… Мне без него вообще ничего не надо! Я без него дышать не могу! Понимаешь ты это? – Она опять заметалась от камина к ведущим на террасу раздвижным стеклянным дверям, от них к дивану, от дивана к витражу, опять к камину, к дивану, к террасе…

– Боюсь, вряд ли. – Мика покачала головой. – И не пойму, наверное, никогда. Но знаю, Лель… тебе сейчас тяжко – не то слово. Жизнь рухнула, и все такое. Я не слепая, вижу. Твоя боль не выдуманная, она реальная, кто бы спорил. Только, знаешь… Ты можешь сейчас швырять в меня любыми тяжелыми предметами, но даже без Леньки жизнь – продолжается. Лучше бы, конечно, с ним, но что поделать. Так бывает. Вода дала, вода взяла, как чукчи говорят.

Да уж, подумала Леля. Вода дала, вода взяла. Вот именно что вода. Но почему-то неловкая Микина обмолвка не отозвалась острой болью – как отзывалось в последние дни каждое слово, каждая интонация. А тут – ничего. Ни в сердце, ни… нигде. Только под ключицами, за грудиной тупо саднило.

– Милочка! – сладко, как сбегающее из таза варенье, прошипела стоящая возле двери Екатерина Александровна.

Никто, кроме Лелиной мамы, не называл Мику Милой. Или, как сейчас, Милочкой. Что означало: их величество гневаются. Ска-ажите пожалуйста! Обыкновенно появление… нет, явление Екатерины Александровны сопровождали фанфары (пусть не гремящие бравурно, а лишь воображаемые) и фейерверки (пусть невидимые, но тоже вполне очевидные), однако сейчас она скользнула в гостиную тихонько, как мышка. Казалось, все ее внимание сосредоточено на зажатом в руке стакане.

– Милочка! – еще слаще повторила Екатерина Александровна, уже более четверти века, со школьных времен Лели и Мики, пытавшаяся «поставить на место эту наглую выскочку». – Если ты способна благополучно существовать без каких бы то ни было моральных устоев, это не означает, что все такие же… – «Безнравственные» произнесено не было, но легко домысливалось.

Завершив торжественную тираду, Екатерина Александровна моментально отвернулась от «наглой выскочки», всем своим видом демонстрируя, что какая-то там Мика не имеет права претендовать на ее внимание.

– Выпей, деточка! – Она сунула дочери стакан с чем-то мутно-зеленым. – Будь умничкой!

Леля, отшвырнув руку матери, уткнулась лбом в пухлую спинку тяжелого кожаного дивана. Стакан улетел в камин, дзинькнул о решетку, рассыпался сверкающей стеклянной крошкой.

– Ну девочка моя! – Екатерина Александровна подпустила в голос легкой укоризны. – Тебе нужно это выпить. – Она несколько растерянно поглядела на свою опустевшую руку. – Я сейчас принесу… Это просто успокоительное, ничего страшного. Все образуется, деточка. Выпьешь, приляжешь, поспишь…

Дим – при своих-то габаритах! – тоже возник в гостиной как-то беззвучно. Вот только что не было, и вот он:

– Мне очень жаль вас огорчать, Екатерина Александровна, но с «прилечь и поспать» придется повременить. Через час Леле нужно быть у следователя.

– Димочка, ну что вы такое говорите! – возмутилась та. – Какой сейчас может быть следователь, вы посмотрите на нее! Она же совершенно, совершенно разбита. Даже мужчина должен понять: все, что Лелечке сейчас нужно, – это полностью отключиться от происходящего.

– Екатерина Александровна! – голосом Дима можно было выстудить пустыню Сахару. – Леле, во-первых, необходимо побеседовать со следователем, во-вторых, уезжать сейчас никуда не стоит. Это будет, – он кашлянул, – это будет нехорошо выглядеть.

– Ой, да перестаньте! Нехорошо выглядеть! Зачем девочку мучить? Ясно же, что ей просто необходимо как следует отдохнуть, уехать куда-нибудь… – Мамуля воздела глаза к потолку, словно там была нарисована подробнейшая карта потенциальных мест отдыха, – на итальянское побережье. Там уже тепло. Море, солнце и веселые люди. Например, в Барселону. – Леле показалось, что Дим поперхнулся. Впрочем, ей было наплевать. – Знаете, – с воодушевлением вещала мамуля, – я читала, там ежедневно на площади танцуют тарантеллу. Просто так! И каждый желающий может присоединиться – танец очень простой, что-то вроде хоровода.

– Сардану, – бесстрастно сообщил Дим.

– Что?

– Я говорю, танец называется «сардана». И танцуют его не каждый день, а, как правило, по воскресеньям.

– Ах, какая разница! Все равно красиво. И архитектура там бесподобная! Какая-то волшебная церковь, которую уже триста лет достроить не могут.

– Храм Саграда Фамилия, – все так же бесстрастно уточнил Дим. – Основан в тысяча восемьсот восемьдесят втором году, так что строят его немногим более ста лет.

– Димочка, вы такой умный, просто ужас! – воскликнула мамуля. – Вам ведь тоже понятно, что Леле нужно поехать отдохнуть? И итальянское побережье будет просто прекрасным вариантом, правда?

– Барселона в Испании, – голосом робота сообщил тот.

– Что? – Мамуля непонимающе нахмурилась.

– Барселона не в Италии, а в Испании, – повторил Дим.

– Ах, ну боже мой, какая разница! Главное, Лелечке непременно нужно поехать. Чтобы отвлечься от всего. Понимаете?

Если бы человеческая голова была прозрачной, подумала вдруг Леля, на мамулином лбу сейчас крупными буквами светилось бы: и поехать с ней должна я!

Екатерина Александровна глядела на Дима почти с укоризной: как можно не понимать очевидного? Зять, грех жаловаться, денег для нее, в общем, не жалел. Но между «не жалел» и истинной щедростью – громадная дистанция, так что Екатерине Александровне приходилось вместо «оргии путешествий» довольствоваться скромными кипрами и таиландами три-четыре раза в год: погреться на пляже, в теплых волнах поплескаться. Все, что сверх того, Лелин обожаемый муженек считал расточительностью. Лельку-то везде таскал, а теща что, не человек? Собственно, оно бы и ладно, к музеям Екатерина Александровна была равнодушна, красоты архитектуры ее тоже не слишком трогали, ну камни и камни, тут такой стиль, тут эдакий. Вот магазины! Ее бы воля, из каждой поездки привозила бы по пять чемоданов – наряды, сувениры, ну и всякого-разного, по мелочи. Но выделяемых «на булавки» сумм на пять чемоданов покупок было, разумеется, недостаточно. А когда она… намекала (не впрямую, боже упаси, так, слово-другое про дивные индийские ткани или экзотические украшения), зять только ухмылялся. Чтоб его! И в Барселоне этой она ни разу еще не была! В Испании Барселона, извольте радоваться, а не в Италии. В Италии, впрочем, Екатерина Александровна тоже так и не побывала. Ну и ладно,

не больно-то и хотелось: там, говорят, грязно очень. Но все же лично посмотреть и убедиться было бы неплохо. И уж теперь-то, когда ухмыляться и урезать расходы некому (не станет же родная дочь держать мамулю на голодном пайке!), теперь, видите ли, тоже никак?! А ведь, казалось бы, самое оно: Леля в стрессе, ей нужно отдохнуть, развеяться, и кто лучше позаботится о бедной девочке, как не родная мать?

– Я же не говорю, что ей одной нужно ехать, – торжественным тоном заключила Екатерина Александровна. – Разумеется, рядом должен быть кто-то, кто бы мог о ней позаботиться, чтобы бедной девочке не нужно было ни о чем задумываться.

Представив, как мамуля о ком-нибудь «заботится», Леля даже улыбнулась. И тут же о том пожалела – моментально сдавило сердце, воздух стал густым и колючим, горло сжалось… Какие улыбки, боже мой! Уткнуться бы в стену, ничего не видеть и не слышать!

Она, конечно, любила мамулю. Со всеми ее глупостями вроде итальянской Барселоны, с неистребимой жадностью к «вкусненькому» и неистребимой же уверенностью в собственной всегдашней правоте Екатерина Александровна источала какое-то необъяснимое обаяние. Кошки вон тоже живут по принципу «потому что я этого достойна», но им все прощается. Им – можно.

Вот и мамулин эгоцентризм Лелю обычно успокаивал. Как успокаивает почему-то вечно скрипящая половица. Третья от двери. Как в первой их с Ленькой квартире. Половицу надо было перешагивать: скрипела она пронзительно, и с таким трудом убаюканные наконец-то близнецы дружно выдавали рыдательный дуэт. Леля помнила об этой «поющей» половице постоянно. И все же иногда наступала на нее специально. Когда казалось, что весь мир вокруг начинает шататься, плывет, колеблется – и ухватиться в этой зыбкости не за что! И тут – вз-з-з! В протяжном неприятном – предсказуемом, черт побери! – скрипе было, как ни странно, что-то удивительно умиротворяющее. Все в порядке. Половица скрипит, дети автоматически подхватывают, мир стабилен.

В этом доме ничего и никогда уже не скрипело. Но мамулины занудные нравоучения были ничуть не хуже той самой половицы.

Вот только прямо сейчас все это казалось почти невыносимым.

Господи, когда она уже уйдет?! Может, Дим догадается и выпроводит ее… поаккуратнее? Дим всегда догадывался.

Но помогла неожиданно Мика. Подхватила Лелю под локоток, повела к двери, отодвинула заступившую было путь мамулю, бросив холодно:

– Извините, Екатерина Александровна, Леле нужно собраться. Что бы вы ни думали, а к следователям лучше ходить, когда назначено.

– Да что ты себе позво… – вскинулась та, но Лели с Микой уже рядом не было. Метры, отделявшие дверь гостиной от гардеробной, они одолели в доли секунды.

– Сама оденешься или помочь? – деловито поинтересовалась Мика.

– Да сама, конечно, только… в чем вообще к следователю прилично идти?

– Ну… смотря какой следователь. У тебя вроде баба, так что ничего провоцирующего, костюмчик… нет, черный – это чересчур, вот, серенький, в самый раз будет. И блузочку поскромнее, без декольтов и тому подобного.

Она так и сказала – декольтов! Мастер слова, главред не самого маленького журнала! Леля едва не рассмеялась. Но вовремя вспомнила, что смеяться ей теперь нельзя. Теперь ей ничего нельзя. Никаких курточек цвета топленого молока, никаких пестрых шарфов, узких джинсов и разноцветных кроссовок. Строгое пальто – тоже темно-серое, аккуратные сапожки на ненавистном среднем каблуке. Единственное хоть немного радостное пятно – аккуратно заправленный под пальто (никаких развевающихся хвостов!) белый шелковый шарф. Хотя в некоторых странах как раз белый – цвет траура. А черно-белые одеяния монашек и вовсе не о веселье напоминают.

Дим, взглянув на Лелю, кивнул одобрительно.

– Не бойся. Меня с тобой не пустят, конечно, но Игорь Анатольевич поприсутствует. – Он кивнул на худощавого типа, который на протяжении всей перепалки с мамулей маячил за Димовым плечом. – Вряд ли тебе так уж необходим адвокат, но кто знает, что там за следовательша. Я поспрашивал, по

отзывам вроде приличная и не дура, но мало ли.

Адвокат, значит? Игорь Анатольевич, как мило. Практически ослик Иа. И похож на него, кстати: вытянутая физиономия (некоторые вежливо именуют ее английской, но лошадиная – она и есть лошадиная), печальные, словно влажные глаза, безрадостно-серый костюмчик, черное пальто, кашне цвета городского голубя. Безотрадное зрелище. Но отчасти и успокаивающее почему-то.

У самых ступеней крыльца, перекрывая дорогу к Димовой красной спортивной «Мазде», стояла массивная, похожая на медведя гризли черная машина. Судя по эмблеме на радиаторе – «Порше». В автомобилях Леля не разбиралась вовсе, разве что джип от седана отличала. Зато эмблемы ей очень нравились и запоминались как бы сами собой.

Из недр «Порше» выбрался тощий тип, здорово смахивающий на Кащея Бессмертного: серая лысая голова, дорогое кашемировое пальто, двигающееся словно бы отдельно от костлявого (даже сквозь ткань заметно) тела. Тип показался Леле смутно знакомым, но это ничего не значило: может, и в самом деле их представляли друг другу на одном из многочисленных деловых мероприятий – из тех, куда полагалось приходить с женами, а может, так, почудилось. В последние дни с ней часто такое случалось.

Кащей окинул их с Димом быстрым взглядом.

– Вы… уезжаете? – в голосе, сухом и одновременно тягучем, не было удивления, скорее недоумение, чуть приправленное укоризной.

Прямо предел проницательности, сердито подумала Леля. Нет, мы не уезжаем, мы вышли на крылечко, чтобы разбить здесь палатку и торговать сувенирами. И вообще, что это за черт из табакерки?

– Вадим Леонтьевич, – продолжал «черт» все тем же сухим, тягучим голосом, – если мы поедем вместе, вашу машину может мой шофер повести. Чтоб вам после о такси не беспокоиться.

Кто такой Вадим Леонтьевич? – удивилась Леля. И только секунду спустя поняла: это же Дим! А неприятный скелетоподобный тип, кажется, у Леньки какими-то финансовыми вопросами заведует.

Дим меж тем о чем-то негромко с «чертом из табакерки» поговорил и повернулся к Леле.

– Садись назад. – Он махнул на «Мазду». – Действительно неловко получилось. А поговорить нужно. Хотя… – Он оглянулся на забор, за которым торчали микроавтобус со значком одного из телеканалов и еще парочка машин, возле которых курили несколько персонажей, явно имеющих отношение к СМИ. У двоих болтались на боку профессиональные фотокофры, прислонившаяся к забору девица что-то говорила типу с видеокамерой, корреспондентша, должно быть. – Если эта публика за нами увяжется, еще и возле следственного комитета примутся своими микрофонами и камерами тыкать… Не Шухова же вызывать. Да и что он сделает? На улице-то они в своем праве: где хотят паркуются, за кем хотят едут.

– Может быть, Александра Игоревна окажет мне честь… – осторожно предложил Игорь Анатольевич.

– А это мысль, – кивнул Дим. – Лель, тогда я в следственный, как освобожусь, подъеду, меня там тоже видеть желают. А ты сейчас с Игорем Анатольевичем поедешь, хорошо? – Она кивнула. – И машины удачно стоят… Значит, делаем так…

Через минуту Леля, только что нарочито медленно усаживавшаяся в красную «Мазду», оказалась в припаркованном рядом автомобиле господина адво- ката.

В салоне пахло мужской туалетной водой и дорогой кожей.

Кто это сказал, подумалось вдруг Леле: «Деньги не приносят счастья, но плакать удобнее в «Мерседесе», чем в автобусе?» Плакать, впрочем, не хотелось. Точнее (правильно она Мике сказала), не моглось. Хотелось же по чему-нибудь стукнуть. А лучше – по кому-нибудь! Она покосилась на адвоката, не отрывавшего глаз от дороги. Профиль у него тоже оказался довольно унылый. Или, может, печальный? Иа, как есть Иа, грех такого обижать. Зато… если возле следственного комитета будут торчать журналисты, она им… а что она им?! Камеры разобьет? Смешно. Она им что-нибудь скажет! Да так, что полетят клочки по закоулочкам! Ну да, включился вдруг голос здравого смысла, господам журналистам только того и надо – скандала. И желательно погромче. Давай устраивай истерику! Вот им радость-то будет.

* * *

Журналистов возле приземистого желто-серого здания не оказалось. Похоже, устроенный Димом обманный маневр сработал.

Игорь Анатольевич, за время поездки почему-то погрустневший и ставший еще больше похожим на ослика Иа, открыл перед Лелей тяжелую дверь, откуда потянуло холодом и неуютом.

Следовательша, как назвал ее Дим, – молодая, коротко стриженная, быстроглазая, – едва они появились на пороге кабинета, вздернула бровь, точно в удивлении:

– Здравствуйте, Александра Игоревна, проходите. Но… вы вот прямо так сразу и с адвокатом?

Игорь Анатольевич парировал довольно равно- душно:

– Здравствуйте, госпожа Вершина.

– Меня зовут Арина Марковна, – поджав губы, сообщила девица.

– Арина Марковна, здравствуйте, – так же сухо продолжил адвокат. – Мое присутствие не должно вас ни смущать, ни настораживать. Я не помешаю. Александра Игоревна в шоковом состоянии, по- этому…

Стриженая девица ухмыльнулась:

– Поэтому кто-то должен следить, чтобы она не сказала лишнего?

– Арина Марковна! – Адвокат укоризненно покачал головой.

– Ладно, ладно. – Следовательша примирительно помахала узкой ладошкой. – Присаживайтесь. И давайте поговорим без…

– Без? – переспросил адвокат.

– Без подковырок. – Она покачала головой так сочувственно, словно и не язвила только что. Должно быть, их подобным штукам – резкие смены интонации и всякое такое – специально обучают, подумала Леля довольно равнодушно.

Она не считала, что ей и впрямь нужна поддержка адвоката. Но в то же время остаться в этом безликом, угловатом кабинетике наедине с быстроглазой следовательшей, пожалуй, было бы страшновато.

Вопросы госпожа Вершина задавала… неудобные. Вдобавок все время называла Леньку – «ваш муж». Леля каждый раз почему-то вздрагивала. Наверное, она еще не осознала толком, что Ленечки больше нет. Как так «нет»? Вот глупость! Он и раньше, бывало, уезжал – и не на два дня. Вот и сейчас… как будто просто уехал по делам. А это чужое «ваш муж» делало его отсутствие каким-то… окончательным. Безнадежным.

– Вы не замечали в последнее время, чтобы у вашего мужа резко портилось настроение? Депрессия, быть может? Мысли о самоубийстве?

– Да что вы такое говорите? Какое самоубийство! У нас… мы только… мы как раз собирались к Платону слетать, поглядеть, как ему там живется. По скайпу-то он говорил, что все отлично, но лучше собственными глазами увидеть. И не только увидеть. Колледж этот Леня сам выбирал, хотел убедиться, что не ошибся.

– То есть в семье у вас все нормально было?

– Отлично.

– Вы не чувствовали в последнее время, чтобы муж отдалился? Секреты, быть может, какие-то появились? Темы, которые он отказывался обсуждать?

Отдалился Ленька давным-давно, лет десять, наверное, назад. Да и то – не отдалился, а… Как-то это по-другому называется. Когда первые страсти утихают, юношеская пылкость сменяется дружелюбием, спокойной нежностью – хотя бывает, что и, ровно наоборот, откровенной враждой. Им-то еще повезло. Ну или ей повезло. Говорят, это самое «охлаждение» наступает года через три

после свадьбы. У кого-то даже и раньше. А у них «пожара страстей» хватило на десять лет. Что же до секретов и тем, которые он отказывался обсуждать, это и вовсе глупо. Леля ничего, вот просто ничегошеньки не понимала в бизнесе – какой смысл обсуждать дифференциальное счисление с тем, кто семь и девять на пальцах складывает? Ну да, занят Ленька был всегда выше головы. Она, хоть ничего в бизнесе не понимала, видела – выкладывается. Какие-то проблемы случались, конечно, – конкуренты упрямые или чиновники чрезмерно мздолюбивые. Но это же бизнес, там всегда что-то такое…

Поэтому она лишь покачала головой, не вдаваясь в подробности:

– Нет. Все как всегда было.

– Может, со здоровьем проблемы появились?

– Что вы! Разве больной человек станет проводить время на подледной рыбалке? И спортзал прямо в квартире он ведь не просто так оборудовал! Да господи, спросите Ивана Ефимовича! Это наш врач вот уже лет двенадцать, наверное.

– Непременно спросим.

Адвокат, уже писавший что-то на крошечном оранжевом листочке, приподнялся, положил записку на угол следовательского стола (довольно обшарпанного, заметила Леля, хотя ей-то какая разница).

Госпожа следователь аккуратно сунула листочек в пластиковую папку и вновь уперла взгляд в Лелю:

– Может быть, его тревожило что-то особенное? Поведение как-то изменилось?

– Нет.

– Нет – не изменилось или нет – вы не заметили изменений? Вы же говорите, что у вас в семье все хорошо было, верно? Вы могли ничего не знать о его делах, но близкие люди чувствуют, если с родным человеком что-то не так. Нередко сами себе объяснить не могут, изменения могут быть пустяковыми, однако от близких мало что получается скрыть. Если бы его что-то беспокоило, вы заметили бы?

– Конечно! Только нечего было замечать! Все шло как всегда! Но…

– Но?

– Я вообще ничего не понимаю, поймите! Как такое могло случиться?

– Ну, знал бы, где упасть, соломки бы подстелил. Стопроцентно пока ничего исключить нельзя, но пока все свидетельствует о несчастном случае. Только вам в такой простой вариант не верится, да? И в то же время вы не можете припомнить ничего необычного, что позволило бы отойти от версии несчастного случая.

– Какой несчастный случай! Леня же не мальчишка неопытный! Он на эту рыбалку годами ездил – и ничего! Никогда!

Арине сидевшую напротив женщину было жаль. Но как бы… вчуже, как жаль, например, жертв авиакатастрофы. Или ДТП на обледеневшей трассе – когда никто вроде и не виноват, а сколько жизней сразу разламывается на «до» и «после». И такое вот неприятие, неверие в страшное – реакция самая распространенная. Если бы эта… Александра Игоревна билась в истериках, умываясь слезами и задыхаясь в рыданиях, ей стало бы легче куда быстрее. Но она биться в истериках точно не станет. И сколько пройдет времени, пока она примет неоспоримый факт – ее любящий (судя по всему) и любимый (еще более очевидно) супруг ушел туда, откуда не возвращаются. И с этим придется учиться жить заново. Впрочем, Арина – не священник, ее дело – отработать все версии. Чтобы самая очевидная – несчастный случай – осталась единственной. Будь утонувший слесарем дядей Васей, никто и не ворохнулся бы – каждый год с этой самой подледной рыбалки десятка полтора-два не возвращается. Но – разве такой большой человек может просто утонуть на рыбалке? Вот и приходится копать. Хотя даму – да, все равно жаль. И детей тоже. Хоть и взрослые, а отца потерять… на мгновение ей вдруг представилось, что непоправимое случилось не с кем-то посторонним, а с ее близкими. С папой… ох, нет, нельзя-нельзя, мысль, говорят, материальна. Не дай бог, притянешь несчастье. Она незаметно ущипнула себя за запястье, выныривая из мгновенных посторонних мыслей в здесь и сейчас.

– Александра Игоревна! Если версию самоубийства вы тоже исключаете, остается – убийство? Не скажу, что обстоятельства с места происшествия

позволяют такую версию стопроцентно исключить, но, тем не менее, выглядит это… маловероятным. Быть может, у вас есть какая-то дополнительная информация? Вы кого-то конкретного подозреваете? Может быть, Валентину Григорьевичу кто-нибудь угрожал? Звонки какие-то не поступали?

– Н-нет.

Следовательша за мгновенную запинку тут же зацепилась:

– Вы что-то вспомнили? Телефонные угрозы? Письма?

Леля помотала головой.

– Ладно. Пусть так. Но если ему кто-то угрожал, вы бы это заметили? По его настроению, к примеру?

– Заметила бы. Не думаю, чтобы ему кто-то угрожал.

– А вам? – неожиданно спросила Вершина. – В смысле, лично вам, Александра Игоревна?

– Мне? – изумилась Леля. – Но с какой стати?

– Мало ли, – усмехнулась Вершина. – Или вас все всегда только любили? И взглядов косых никто не кидал? И не завидовал?

Леля вдруг вспомнила ту жуткую старуху.

– Но это же бессмыслица! – вырвалось у нее против воли.

– Что именно?

– Да подходила ко мне какая-то психованная старуха, даже как будто угрожала. Но…

– Но?

– Как ненормальная бомжиха могла бы что-то сделать Лене?

– Давно это было?

– Мне кажется, я ее зимой несколько раз видела. А подошла она… в тот день, когда, ну, когда Ленька пропал… я еще не знала ничего, а тут эта сумасшедшая… я испугалась даже.

Выслушав Лелино приблизительное описание страшной старухи, Вершина подтащила к себе громоздившийся на левом углу стола телефонный аппарат: здоровенный, квадратный, с окошечком, где высвечивался номер – набранный или входящего вызова. Похожий телефон стоял в их первой с Ленькой квартире больше двадцати лет назад, тогда такой аппарат выглядел невероятно круто, сегодня же смотрелся почти убого.

Настучав что-то по кнопкам, следовательша быстро заговорила в трубку:

– Матвеич? Вершина беспокоит. Не в службу, а в дружбу… да знаю, знаю, бесплатно только птички чирикают… за мной не заржавеет, не боись. А скажи мне, друг ситный, вот что: нет ли на твоей земле, ну, среди контингента, такой, знаешь ли, колоритной бабуленции? Скорее всего бомжиха. В джинсовой панаме и одежек как на капустном кочане, но сама более-менее субтильная… Росту среднего, с меня примерно, волос под панамой не видно, но точно старуха, морщины, как Дарьяльское ущелье… Да? – Она быстро почеркала что-то в потрепанном клетчатом блокноте. – Ясно-понятно. А попрошайничает эта красавица агрессивно или на жалость давит? Вот оно что… Ладно, бывай.

Бросив трубку в предназначенное ей гнездо на сером телефонном корпусе, она поглядела на Лелю. Непонятно поглядела – не то недовольно, не то, наоборот, сочувственно:

– Есть в вашем районе подходящий персонаж. Старуха то есть. Не совсем бомжиха, но почти. Ну и с головой у нее не так чтоб хорошо. Правда, до сих пор она вроде бы ни на кого не нападала. Обычно просто встает рядышком и смотрит в упор, чтоб, значит, денег дали.

– На меня она тоже не нападала, – жалобно проговорила Леля. – Только гадости говорила, ну вроде бы угрожала. Карами небесными грозила. И… когда я хотела ей денег дать, сказала, что я могу свои деньги… – Она смутилась. – Очень грубо, в общем, сказала. И денег не взяла.

– Ну, всякое бывает, – подытожила Вершина. – Бабуся и так с головой не дружит, может, у нее еще какие-то… винтики перевинтились. Скажу ребятам, пусть айболитам ее покажут, не пора ли госпитализировать. Если она опасна стала… Ну а то, что она набросилась на вас в тот самый день, когда пропал ваш муж, это, конечно, чистой воды совпадение.

Ну да, подумала Леля горько. Вся жизнь – череда совпадений. И выстрел пушки ровно в тот момент, когда старуха завершила свое представление, – тоже, конечно, совпадение.

– О! – обрадовалась вдруг следовательша. – Молодец Матвеич, быстро как подсуетился. Ну-ка гляньте. – Она повернула к Леле монитор, с которого скалилась неопределенного пола физиономия, обрамленная седыми космами. – Ваша?

Леля вгляделась, покачала головой неуверенно:

– Не знаю. Н-нет. По-моему, не она.

– Общее впечатление или что-то конкретное? – деловито уточнила Вершина.

– Зубы… Да, точно, зубы. У этой огрызки, а у той были все на месте.

– Поня-атно, – протянула следовательша. – Целые зубы – это интересно. Чтобы у бомжихи… Ладно, поглядим. Больше никто вам не угрожал?

Угрожала Леле собственная свекровь. Все эти дни и ночи – главное, ночи! – она звонила и кричала в трубку. Кричала всегда одно и то же, что Леля – убийца:

– Добилась своего, дрянь?! Я тебя собственными руками удавлю!

Лидия Робертовна звонила непрерывно – до тех пор, пока Иван Никанорович не настроил в Лелином телефоне какие-то непонятные ей «фильтры». Через эти «фильтры» звонки свекрови не пробивались.

Леля Лидию Робертовну жалела. Но сейчас следовательша смотрела так требовательно и одновременно так сочувственно, что она сказала, покачав головой:

– Мне свекровь постоянно угрожает. Только это же…

– Давно угрожает?

– Ну… вот… сейчас… Кричит, что это я его на тот свет отправила. Ну… она… Она никогда меня не любила, считала, что мне от Леньки только деньги нужны, что жену ему надо нормальную, а не такую, как я.

– Понятно. Она ему, случайно, невест на ваше место не подсовывала?

– Не знаю. Он не говорил.

– Понятно, – повторила Вершина. – И, простите, я вынуждена спросить: у него была любовница?

– Что вы такое говорите? – опешила Леля. – Да мы… Да Ленька…

– Арина Марковна. – Адвокат, сидевший до того тихонько с краю стола, приподнялся, покачал укоризненно головой, практически нависая над бестактной следовательшей.

– Что вас так шокировало? – усмехнулась та. – Могу еще спросить, не говорил ли он о разводе.

Вместо того чтобы закричать, возмутиться, стукнуть по столу, Леля вдруг ответила совершенно спокойно:

– Нет. Сядьте, Игорь Анатольевич. Арина Марковна выполняет свою работу. Семьи разные бывают, и нас она вовсе не знает. Нет, Леня никогда не говорил о

разводе. И про любовниц мне ничего не известно.

– Вот и что нам теперь дальше со всем этим делать? – вздохнула следовательша. – Семья у вас была крепкая, проблем со здоровьем у вашего мужа не наблюдалось, про возможных врагов (от бизнес-конкурентов до обиженных любовниц) вы ничего не знаете.

Леля помотала головой:

– Ничего такого. Да он бы никогда не стал…

– Не стал – что?

– Не стал бы мне рассказывать. Я все равно ничего в бизнесе не понимаю, и зачем меня попусту тревожить? Он очень меня оберегает… всегда.

Арина автоматически отметила это «оберегает». Госпожа Гест произнесла глагол в настоящем времени. И не поправилась. Не хочет верить, что муж погиб? Или все-таки знает что-то? Хотя скорее, конечно, первое.

– А может, его похитили? – спросила вдруг Леля.

Лишь едва дрогнувшая бровь выдала удивление Вершиной:

– Вот как? К вам уже кто-то обращался с требованиями? Выкуп? Бизнес-уступки?

Леля покачала головой – мол, нет, ничего такого не было. Но глаза ее почти сияли: похоже, мысль о похищении пришла ей в голову только что – и моментально в измученной душе пробудилась надежда.

Арина только вздохнула. Версия о похищении выглядела еще более сомнительной, чем убийство или самоубийство. Место, способ – бред, честное слово. Нет, если бы в операции участвовал кто-то знакомый, все несложно: подойти, улыбнуться, зажать нос тряпкой с хлороформом или из баллончика брызнуть. И унести безжизненное тело. Вот только как это проделать, не оставив никаких следов: ни от колес машины, ни от обуви. Инопланетяне его, что ли, похитили? Хотя если подлететь на вертолете – безумно, в стиле

Голливуда, но технически возможно. Собака, впрочем, в вертолетную версию не вписывается. Не говоря уж об отсутствии требований. Но проверить надо, иначе начальство живьем съест.

– Кстати, – она встряхнула головой, возвращаясь к реальности, – почему-то в компании «Гест-инвест» совсем нет снимков вашего мужа. Только в личном деле – крошечная, двадцатилетней давности. У вас ведь наверняка есть его фотографии?

– Фотографии? – переспросила Леля, нахмурилась. – Ну… да, наверное. Я поищу. Прямо вам принести?

– Да, пожалуйста.

Игорь Анатольевич предупредительно распахнул дверь следовательского кабинета. Леля на мгновение задержалась на пороге, поглядела вправо, влево. Дима в коридоре не было. Не успел, значит. Неужели придется и назад с этим печальным осликом ехать? Еще и молчун, каких мало.

– Сейчас я вас домой отвезу, – сообщил он.

Леля помотала головой: нет, спасибо, прогуляюсь по свежему воздуху, благо назойливых журналистов не видать. Вообще-то она изрядно устала от беседы со следовательшей, и домой хотелось поскорее, но перспектива опять ехать с этим… господином Иа ее почему-то пугала. Хотя, конечно, бояться собственного адвоката – глупость несусветная. И Дим вряд ли стал бы ей кого-то негодящего подсовывать. Но что-то Лелю смущало. Что-то за этим «серым фасадом» было. Что-то тайное, старательно скрываемое. Не обязательно плохое, но…

* * *

Припарковаться у следственного комитета оказалось негде. Пришлось, обогнув квартал, заехать в подворотню на противоположной стороне. Двор, в который она вела, был серый, мрачный и не слишком чистый. Но Дим решил – сойдет, вряд ли сюда явится эвакуатор.

Когда он вынырнул из подворотни, из дверей следственного комитета появился Коркин и за ним Леля. Они остановились на минуту, адвокат что-то ей говорил, Леля качала головой, глядя куда-то в сторону. Дим хотел ее окликнуть, но кричать через улицу показалось глупо, а тут еще и телефон зазвонил, пришлось отвечать. Когда разговор закончился, ни Лели, ни адвоката на крыльце уже не было. Причем разошлись они – Дим видел краем глаза – в разные стороны. Мысленно обругав Коркина «на все корки» – разве можно Лелю сейчас одну оставлять?! – он торопливо набрал ее номер.

– Да, Дим, – ответила она на удивление спокойным голосом. – Да не беспокойся ты так, я в порядке… Насколько это возможно, – добавила она с горьким смешком. – Под машину не попаду, журналистам на глаза, надеюсь, тоже. Игорь Анатольевич предлагал меня домой отвезти, только… Дим, ну правда, спасибо тебе, но не надо так надо мной трястись. Я ведь не грудной младенец. Пройдусь немного, не повредит. Я же за эти дни ни разу не оставалась одна. Ну почти. Надо уже как-то в самом деле… – И Леля отключилась.

Диму показалось, что в последний момент он услышал всхлипывание, но перезванивать не стал. Во-первых, до обозначенного времени визита в следственный комитет оставалось не больше пяти минут. Во-вторых, Леле неплохо было бы поплакать. И, в-третьих, она права: побыть уже наконец одной – тоже не самая дурная мысль. Молодец, Леля, хорошо держится. Да, жаль ее ужасно, мог бы – набил бы сейчас Леньке физиономию! Но ключевые слова – «мог бы». Туда, где Ленька сейчас, не дотянешься. Поэтому надо как можно лучше справляться с тем ворохом дел, который остался здесь. Начиная с посещения здания на той стороне улицы.

– Следователь Вершина. Арина Марковна, – довольно угрюмо представилась коротко стриженная девица в полосатом сине-зеленом свитерочке, похожая на кого угодно, только не на следователя. Даже висящий на спинке стула форменный китель казался случайным элементом, не имеющим к хозяйке кабинета никакого отношения. Дим мысленно усмехнулся – что за стереотипы? Жизнь не кино, здесь все по-другому. Девица, кстати, несмотря на официальное выражение лица, была вполне симпатичная. Если бы его интересовали подобные вещи, он обратил бы внимание на то, как свитерок подчеркивает зелень глаз, высокие скулы, бледно-золотистый, слегка смугловатый тон матовой кожи и прочие… достоинства.

Но Дим симпатичность девицы оценивал чисто автоматически, по профессиональной привычке. Как любовался бы, скажем, красотой архитектурного сооружения – вчуже. Его интересовало совсем другое. Например, скорейшее завершение «проверки по факту предполагаемой смерти». Хотя бы потому, что на Лелю уже смотреть было страшно. А пока не завершится «проверка», ни о каком возвращении ее к жизни и мечтать нечего.

Девица же оказалась въедливая. С одной стороны, понятно: все-таки он – практически единственный свидетель… происшествия. Пусть и проспавший его. Но откуда известно, что он все проспал? Только с его собственных слов. Поэтому многочисленные вопросы вокруг рыбалки вполне естественны. Как часто вы ездили вместе? По чьей инициативе? А в этот раз? Часто ли встречались помимо рыбалки? Вам лично нравится рыбачить? А почему ездили? А это нормально, что вы спите до полудня, а друг отправляется на лед? Хотя вовсе Дим и не до полудня спал. Много ли выпили вечером? Зачем пригласили местного жителя? Не случилось ли между вами ссоры? Хотя бы небольшой? Часто ли вы вообще ссорились? Давно ли дружите? И так далее, и тому подобное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/oleg-roy/tri-cveta-lyubvi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити